

ОЛЕСЯ ХОЛОДНАЯ

УЗНИК ЧУЖОЙ ВОЛИ

18+

Олеся Холодная

Узник чужой воли

«Автор»

2026

Холодная О.

Узник чужой воли / О. Холодная — «Автор», 2026

Десять лет в каменном мешке. Без света, голоса и надежды. Тар Вальдес был мёртв для мира — пока его не вытащил человек, о котором никто не знал до дня коронации нового короля. Первый советник — тень дьявола, чьи истинные цели никому не ведомы. Взамен на свободу он предложил Тару миссию, отказаться от которой Тар не может: её озвучил сам король — мальчик, которого он учил держать меч и который до сих пор видит в нём друга и наставника. Пока Тар ищет союзников на чужбине, за спиной короля закручивается змеиный клубок. Двор шепчет. Трон шатается. Те, кто должен быть опорой, оказываются теми, кто точит нож. Войска мятежника уже у границ. Заговорщики плетут сети в сердце дворца. И среди всего этого — два человека. Один выбрал свободу, но попал в новые оковы. Другой добровольно заточил себя в клетку и выбросил ключ. При работе над текстом использовались инструменты на основе ИИ для редактуры и структурной помощи. Авторский замысел, персонажи, сюжет и финальная редакция — полностью мои.

© Холодная О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1 «Семена Бури»	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16

Олеся Холодная

Узник чужой воли

Часть 1 «Семена Бури»

Глава 1

Серые стены узилища сдавили сознание жёсткими тисками. Пустая, сжимающая боль беспощадно терзала разум. И холод - единственное, что оставалось неизменным. Он проникал глубже костей, вмерзая в самую душу. Узник сидел на каменном выступе, вросшем в стену. За десять лет он привык к нему настолько, что перестал ощущать, где кончается камень и начинается он сам. Это была единственная уступка, которую тюрьма Хирм-Доарн сделала ему.

Три тысячи шестьсот пятьдесят дней.

Узник мысленно провёл черту на стене — невидимую, только для себя. Каждая черта — это день... Воспоминание настигло внезапно:

Он стоит на коленях в тронном зале. Мрамор холоден даже через бархат камзола. Король Долгет смотрит на него сверху вниз — не с гневом, с холодным интересом, как на насекомое.

- Ваше упрямство удивляет, Вальдес. Признайте заговор — умрёте быстро. Нет — познаете, что такое забвение.

Рядом с королём стоит юный Амир. Его глаза — широкие, испуганные. Тар видит, как дрожит его рука, сжимая рукоять кинжала на поясе. Мальчик хочет помочь, но не может.

- Я невиновен, Ваше величество.

Это были последние слова, которые Тар сказал при дворе. Через час его бросили в карету и увезли в каменный мешок.

Долгет умер. Мучительная болезнь загасила в нём жизнь.

Но его преемник, братец Эльзимер, не отменил приговор. Он предпочитал контролировать врагов бывшего правителя, держа под своим тяжёлым сапогом. Риск - дело благородное, но рисковать собственной жизнью и спокойствием монархи не любят, особенно если есть вероятность, что после престол займёт сынок, совершенно не разделяющий твои политические взгляды.

Но ничего, новый король не молод, хотя и крепок здоровьем. Кто знает, как распорядится судьба.

В камере стало нечем дышать. Тар схватился за горло, пытаясь вдохнуть воздух, которого не хватало. Паническая атака — старый знакомый. Он зажмурился, считая удары сердца. Раз. Два. Три... *Когда темнота перед глазами рассеялась, он снова остался один с тем, что грызло сильнее голода.*

Где-то там, за стенами, в холодной земле лежала она. Елена. Из-за него. Из-за его упрямства. Иногда он ловил себя на мысли, что ревнует её к небытию. Ей было покойно, а он всё ещё был здесь.

Глухая немота заполнила всё вокруг. Иногда Тару казалось, что эти суровые хмурые стены безмолвно смеются над своими пленниками — жалкими и маленькими по сравнению с их вековым величием. Из этой тюрьмы не бежал ещё никто и никогда. Тар знал это, но всё равно продолжал верить, что он будет первым кто хоть и не сбежит из казематов Хирм — Доарна, но, по крайней мере, выйдет из них живым.

Его мысли прервал звук, отличный от привычных тюремных шумов. Это дождь накрыл королевство Эхорт, и вода начала сочиться сквозь щели в стенах темницы. Мутные струи, стекающие по камню, да лицо тюремщика дважды на дню ставящего миску с едой, были единственной его связью с миром – тем, что там, наверху, несколькими этажами выше.

Узник закутался в хламиду, последние десять лет служившую ему и тёплой одеждой, и одеялом, и устался в темноту угла. Крысы. Они бегают тут повсюду, жирные и крупные, не чета узникам. Наверно их можно даже есть, если перестанут приносить тюремную баланду. Первые несколько месяцев заточения даже подумываешь об этом.

Потом становится всё равно и на еду, и на сырость, и на холод, и даже на отсутствие собеседников. Всё равно на всё. Исчезает время, пропадают чувства, желания, эмоции. Потом, наверное, сходят с ума. Он слышал бред и стоны сокамерников, но самому удалось ухватиться за какую-то ниточку, там, глубоко в душе. Он не хотел, просто так получилось. Забытьё не приходило ни разу. Он помнил каждый день, проведённый здесь так же ясно, как сейчас слышит тех упитанных крыс в углу. Все дни, похожие как близнецы в течение десяти лет. Но кончится и это. Он знал.

Узник почувствовал, как сырость от дождевых струй заполняет и без того сырую комнату. Как воздух становится ещё более густым и тяжёлым, и с трудом начинает проходить в лёгкие. А вокруг тьма, почти живая и тоже мокрая.

Он почти провалился в собственные мысли, оградив себя от остального мира и даже не услышал, как распахнулась со скрипом обитая железными листами дверь. Кто-то вошёл, постоял, то ли осматриваясь, то ли пытаясь найти в темной камере узника, побряхтел, безмолвно замер в паре шагов от него.

Узник приоткрыл глаза, осмотрел худощавую фигуру мужчины. Высокий, в тёмном плаще без каких-либо знаков отличия. Привыкший к темноте, Тар мгновенно анализировал его: военная выправка, но движения не солдата — придворного. Дорогие, но практичные сапоги. Рука лежит на рукояти кинжала — привычка человека, который знает цену своей жизни.

- Тар Вальдес! – голос ровный, без эмоций. Голос человека, который не сомневается в своей власти.

Узник не шелохнулся, продолжая кутаться в грязную, отсыревшую хламиду.

- Тар Вальдес! – повторил незнакомец.

Тар медленно поднял голову и осмотрел незнакомца — не испуганно, не с надеждой, а с холодным любопытством. Палач или посланник?

- Оставьте меня, - попросил неизвестный. Тюремщик без возражений вышел.

- Граф Вальдес, - повторил мужчина менее строго. – Встаньте. Меня зовут Георг, я от короля.

Тар почувствовал, как по спине бегут мурашки. *Ловушка. Должно быть, ловушка.*

- Что нужно королю от старого скелета? — его голос прозвучал хрипло, но в нём появились стальные нотки. — Мои кости уже пересчитали крысы. Мою мудрость съела плесень. Остался только гнев.

Георг не шелохнулся. Его лицо оставалось каменной маской. Но Тар заметил мельчайшую деталь: пальцы мужчины слегка постукивали по рукояти кинжала на поясе. *Нетерпение? Или расчёт?*

- Милостью - начал назвавшийся Георгом.

- Я ничем не обязан его величеству, - без всякого уважения отозвался Тар. – Так что проваливай, если, конечно, ты не пришёл сюда зачитать способ моей казни.

Георг оставил грубость без внимания.

- Вы не дослушали меня, граф Вальдес, - спокойно резюмировал гость. – Милостью короля Амира, я его первый советник Георг Моор имею честь сопровождать Вас ко двору Его величества.

Сердце Тара замерло. Не от радости — от страха. *Что они сделали с мальчиком? Какой советник может быть у Амира?*

Моор понял мысли узника или спустя десять лет заключения он стал настолько предсказуем.

- Эльзимер скончался третьего дня к вечеру.

- Как? – едва слышно произнёс Тар и сам не узнал своего севшего от волнения голоса.

- Упал с лошади, - буднично ответил Георг. – Говорят, после полудня ему захотелось опробовать присланного из соседнего королевства молодого жеребца. Так, знаете ли бывает.

Тар медленно поднялся, рваная хламида, служившая ему покрывалом, слетела на холодный пол. Каждое движение давалось с трудом.

- Что нужно Амиру? — он намеренно использовал имя, а не титул. *Проверка.*

- Почём мне знать, - удивлённо произнёс первый советник. – Мне велено сопровождать Вас, если Вы согласитесь, разумеется.

Вальдес поднял на собеседника глаза. Тусклый свет фонаря, оставленного тюремщиком у входа, выхватывал из мрака черты гостя. Молодое, вытянутое лицо, острый нос, высокий чистый лоб и черные, как тьма тюремной камеры, волосы до плеч. Только глаза Тар разглядеть не смог, не хватало света. Глубоко посаженные, они тонули во тьме. Плащ тёмного сукна облачал долговязую фигуру советника, широкий капюшон, сейчас скинутый на плечи, должно быть совершенно скрывал лицо королевского советника, не позволяя ненужным глазам узреть появление в стенах тюрьмы столь значительной персоны.

Губы Георга тронула улыбка.

- Вас что-то смущает? – поинтересовался он.

- Молодой Амир, Его величество — вот только чтоа Вы уже

- Да, советники меняются не так часто, как короли, - понял Моор. – Но иногда в силу некоторой необходимости, с новыми правителями приходит и их свита. Не вдавайтесь в подробности, граф, сейчас Вам это не нужно.

- Неужели переворот?

Брови Георга взлетели вверх.

- Что Вы имеете в виду? Сам ли король Эльзимер упал с лошади?

Тар молча ждал продолжения.

- В самом деле, Вы довольно странно ведёте себя для узника граф Вальдес, - хмыкнул Георг. – Я не говорю Вам, что Вы сейчас же отправитесь на свободу, но подразумеваю эту возможность, сообщая желание короля, **молодого короля Амира** видеть Вас. Вы же допытываетесь, каким образом человек, дарующий милость, обрёл на это право.

Тар некоторое время смотрел на неясную точку перед собой.

- И всё же - начал он.

- Нет, господин граф, - оборвал его королевский советник. – Прежде, Вы должны мне ответить, согласны ли Вы проследовать к Его величеству.

Вальдес медленно обвёл взглядом стены комнаты, столько лет державшей его взаперти, покрытые старой плесенью углы, холодный пол. Наконец взгляд добрался до собственных рук. За десять лет он ни разу не смотрел на них, так как сейчас, с интересом, как будто на что-то новое, ему не принадлежащее. По этим рукам можно было судить о времени заточения. С обломанными грязными ногтями, серые, но всё ещё крепкие руки человека, некогда державшего оружие. Руки, что когда-то держали карту Эхорта, руки, что поправляли воротник плачушему принцу...

- Прямо сейчас? – уточнил он.

- Помилуйте, кто же является ко двору в таком виде? – удивился Моор. – От Вас смердит, граф. По утру, разумеется. Привести Вас в порядок времени нужно немало.

- Поутру, так поутру, - согласился Вальдес.

- Сразу бы так, - удовлетворённо произнёс Георг. – Тогда следуйте за мной, – советник решительно развернулся и направился к двери.

- Господин Моор? – остановил Тар.

Советник обернулся.

- Только ответьте мне, сам ли Эльзимер, или

- Или, - безапелляционно ответил Георг и растворился в сумраке тюремного коридора.

Когда узник вышел из камеры, свет факелов ослепил его. Но он не зажмурился. Смотрел прямо на серые стены, на мокрые камни. Каждый звук, каждый запах обжигал.

Георг Моор шёл рядом, и Тар чувствовал его взгляд — тяжёлый, изучающий. *Они выпустили волка из клетки, — думал он. Но забыли, что у волков отличная память.*

Он помнил, как его притащили практически волоком и полуживого бросили на ворох соломы. Ему не сулили скорой казни, король пожелал медленной смерти своему врагу, дабы тот умер забытый всеми от какой-нибудь тюремной болезни. Но он не умер, и спустя десять лет идёт живой, хоть и не совсем здоровый, в то время как король гниёт в семейном склепе.

Хотя ведь у Его величества Долгета не было доверенных людей, способных днём и ночью нести вахту у изголовья его врагов, будучи невидимыми и неслышимыми. Да, есть палачи, есть стража, даже тот же тюремщик, но они всего лишь выполняют свою работу, а не отдают долг старому другу.

У Тара такие люди были, точнее человек, один. Среди королевской прислуги, молодой тогда мальчонка Слин, внебрачный сын какой-то кухарки. Граф Вальдес приметил его сразу, сообразительного, расторопного и главное любознательного. Обучил грамоте и алхимии, это Слин схватывал на лету. И когда Тар оказался в заключении, некоторое время спустя он услышал от тюремщика, что король слёг от неизвестной никому болезни, а когда через неделю объявили траур по внезапной кончине правителя, Тар был уверен – отойти в мир иной королю помогли. Сразу понял кто, боялся, что поймут и другие, найдут, поймают и отправят на казнь. Но не нашли, а может и не очень-то искали. И граф успокоился.

Следующего правителя никто не травил, впрочем, поговаривали что Эльзимер учредил должности дегустаторов в количестве семи человек и ничего не ел, и не пил, пока блюда не проходили через них. Даже не принимал подарков, которые могли бы нести в себе яд. Но враги нашли другой способ укоротить его век. Король упал с коня. Никто не удивится тому, что седой старик не удержался в седле. Пусть король был крепок внешне, старость берёт своё. Что он там себе сломал, шею, спину сломал или свернул, ему уже все равно.

У Тара перехватило дыхание от свежего воздуха, прохладного после недавнего дождя. Моора ждала крытая повозка, запряжённая четвёркой гнедых жеребцов, неброская такая повозка, и не скажешь, что первый советник в ней приехал. Разве что кони - такие красавцы только в королевской конюшне. Впрочем, прошло десять лет, возможно, изменилось и это. Георг залез внутрь, дверца осталась открытой в ожидании графа. Стражник, сопровождавший их весь путь от камеры, безмолвно отступил.

Тар жадно вдохнул свежего воздуха и, бросив последний взгляд на стены тюрьмы, направился к повозке. Но сел ни на сиденье, а на пол, тихо пристроившись в углу.

- Граф, - укоризненно протянул Георг. – Что Вы как собака там уселись?

- Вы верно выразились господин Моор, от меня смердит. Не хочу запачкать обивку. К тому же, я не граф, меня лишили этого титула при заточении.

- Если я обращаюсь к Вам как к графу, значит, так пожелал король, - утвердительно произнёс советник. – И повозку эту выделили специально, чтобы забрать Вас, так что садитесь, где подобает и пачкайте всё, что угодно.

Тар нерешительно пересел на сиденье. Моор закинул ногу на ногу, поплотнее укутался в плащ и довольно крикнув, велел кучеру двигать. Когда повозка тронулась, Тар прикрыл глаза. Он был свободен. Но его свобода пахла не дождём, а дорогим деревом и воском, которыми был пропитан экипаж.

Его выпустили из каменной тюрьмы, но заперли в другой — из интриг, амбиций и старых обид. Эта тюрьма была больше, удобнее и несравненно более опасной. Но в ней был тот, который помнил его не узником, а человеком. И ради этого стоило снова научиться дышать.

Вальдеса не волновало сейчас, по какому поводу он понадобился Амиру. Если за эти годы ничего не изменилось в сердце юного принца, сейчас уже молодого мужчины, короля, из него выйдет хороший правитель. Только взойдёт на престол и сразу же вспомнил о давнем друге, любимом собеседнике и учителе фехтования графе Таре Вальдесе. Причина не важна. Как факт осознавать это бывшему узнику было приятно.

Повозка медленно двигалась по улицам спящей столицы. Тар сидел, прислонившись спиной к сиденью, и через небольшую щёлку в стенке экипажа наблюдал за проплывающими мимо огнями. Вот мелькнул освещённый фонарями фасад таверны, фигура ночного сторожа, закутавшегося в плащ от дождя и тёмный переулок, где трое бродяг вероятно делили добычу.

Каждый звук, каждый образ впивался им с жадностью утопающего. За десять лет в каменной гробнице он почти забыл, что мир может быть таким... живым. Воздух, напоённый запахами дождя, древесного дыма, конского навоза и свежееиспечённого хлеба из ночной пекарни, кружил голову. Он вдыхал его полной грудью, чувствуя, как что-то окаменевшее и мёртвое в его душе начинает трескаться, давая ростки чему-то новому и хрупкому.

Моор не произнёс за всю дорогу ни слова. Он сидел, откинувшись на спинку сиденья, лицо скрыто в тени. Но Тар чувствовал на себе его неослабевающее внимание. Холодный, аналитический взгляд, изучающий каждое движение бывшего узника, каждую перемену в выражении лица. Лишь редкие отсветы фонарей выхватывали из мрака жёсткий профиль и сложенные руки советника. Тянуло от Георга чем-то железным, непреступным, колдовским. Первый советник короля, доверенное лицо Его величества, правая рука, но как будто сам по себе — это Тар почувствовал сразу. По манере общения, манере двигаться, вести себя. Может первое впечатление обманчиво, но как будто этот Моор не просто первый советник, а друг короля настолько близкий, что разрушь он целый город или проиграй в карты половину казны, король нахмурится, конечно, но простит.

Повозка наконец остановилась на одной из тихих, мощёных булыжником улочек, вдали от главных дворцовых магистралей. Георг открыл глаза, лениво потянулся, закрыл лицо широким капюшоном плаща.

- Приехали, господин граф, - констатировал он. – Здесь Вы проведёте ночь, следуйте за мной.

Тар с трудом поднялся, его ноги затекли и плохо слушались после долгого сидения в неудобной позе. На улице стояла осенняя ночь, тихая и холодная. Дождевые облака унёс ветер, и небо серебрилось мириадами звёзд. От мощёной камнем дороги, сейчас мокрой и чистой, пахло чем-то, по чему Вальдес скучал все эти десять лет.

Дом, перед которым они остановились, был невзрачным двухэтажным строением, ничем не выделявшимся среди соседних. Ни гербов, ни стражи у входа — лишь крепкая дубовая дверь с притёртой железной фурнитурой. Моор прикоснулся к косяку, нащупал невидимый в темноте механизм, и дверь бесшумно отворилась.

Внутри пахло воском, старыми книгами и сушёными травами. В прихожей, освещённой тусклым светом одной-единственной свечи, их встретила женщина лет сорока с бесстрастным,

как у солдата, лицом. Её волосы были туго убраны, а движения — точны и экономны. Служанка.

Она окинула Тара брезгливым взглядом, после чего вопросительно взглянула на хозяина.

- Накормить, отмыть, и чтобы, когда я вернусь, был готовым для визита к Его величеству, - распорядился Георг. – Располагайте этой женщиной Жоанной, как своей прислугой. До завтра, господин граф, доброй Вам ночи, - едва склонил голову и ушёл.

Жоанна удивилась произнесённому титулу, но тут же совладала с собой и, отразив на лице крайне приветливое выражение, указала Тару на лестницу, ведущую в верхние комнаты.

Глава 2

Казалось, он не спал лучше никогда в жизни. Точнее, спал конечно, но было это в какой-то другой, почти забытой жизни, за гранью десятилетия тьмы и сырости.

Большую часть ночи над ним, словно в причудливом, бесконечном хороводе, кружились незнакомые люди.

Сначала его искупали. Затем были брадобреи — их уверенные руки и острые лезвия сбивали годы заточения вместе с щетиной и спутанными прядями. После портные — бесцеремонно обмеряли его исхудавшее тело, а шёпот шелка и сукна ласкал слух, на который десятилетиями лился лишь лязг железа и писк крыс. Потом пришли парфюмеры, и терпкие, цветочные, древесные ароматы вытесняли въевшийся в кожу затхлый, ледяной запах тюремного камня.

Он не сопротивлялся, отдавшись в их руки с блаженной, почти детской покорностью, сквозь дремоту улавливая лишь обрывки фраз, шелест ткани, звон ножниц.

И когда, наконец, последний незнакомец скрылся за дверью, а за горизонтом уже заалел рассвет, он утонул в невесомой пучине перины, захлебнулся свежестью накрахмаленного белья и провалился в сон — без сновидений, без кошмаров, без воспоминаний, в котором не было ни прошлого, ни будущего, а лишь блаженное, полное, всепоглощающее ничто.

Сквозь его глухие слои до сознания долетел лишь один-единственный звук — собственный вздох, тихий и удивлённый. Тело, за десять лет отвыкшее от простой человеческой неги, не верило мягкости, теплу и покою. Мышцы поначалу непроизвольно напрягались, ожидая привычного — прикосновения ледяного камня или грубого пинка тюремщика. Но их встречала лишь ласковая пуховина, и понемногу Тар растаял в ней, как кусок льда в тёплых руках.

Его разбудил луч солнца, пробившийся сквозь разноцветные стекла витражного окна и упавший прямо на лицо. Он лежал с закрытыми глазами, ещё не в силах открыть их, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

Тишина. Не оглушающая, гнетущая тишь каземата, а живая, наполненная уличными шорохами — далёким криком торговца, скрипом повозки, пением птицы за окном. Воздух. Он был свеж и пах деревом, воском и едва уловимыми нотами вчерашних духов. Сухость. Ни капли знакомой, вездесущей сырости, въевшейся в самые кости.

Тар медленно открыл глаза. Комната тонула в утреннем золоте. Потолок был высоким и светлым. На стенах — гобелены с охотничьими сценами. В углу — то самое кресло, на котором его ждал новый, сшитый за ночь наряд.

И тут пришло понимание — он не в тюрьме. Он на свободе. Он — граф Тар Вальдес. Не узник, не номер, не «эй, ты», а **граф**. Имя, возвращённое ему, отозвалось в груди горячим, щемящим чувством, от которого перехватило дыхание.

В этот момент дверь бесшумно открылась, и в комнату вошла Жоанна. В руках она несла медный таз с водой.

— Господин граф, с добрым вас утром, — почтительно поклонилась она, ставя таз на подставку. — Не замерзли сегодня? Ночи уже холодные.

Тар не сразу нашёл слова. Он молча смотрел на неё, всё ещё цепляясь за остатки сна, боясь, что одно неловкое движение разрушит этот хрупкий миг.

— Вы здоровы, господин граф? — в голосе служанки прозвучала искренняя тревога.

Вальдес вздрогнул, окончательно возвращаясь в реальность. Её низкий, грудной голос, такой неожиданный для её внешности, прозвучал как колокол.

— Доброе утро, Жоанна, — наконец выдавил он, и собственный голос показался чужим, осипшим, но уже не таким надтреснутым, как вчера в камере. Тар сел на кровати, и ноги упёр-

лись не в холодный камень, а в невероятно мягкие меховые тапочки. — Давно не чувствовал себя так хорошо. На мгновение даже подумал, не в раю ли я уже.

Жоанна простодушно улыбнулась, и в её глазах не было ни тени насмешки или подобострастия.

— Что господин граф желает на завтрак? — заботливо осведомилась она.

И тут Тар, забыв обо всех условностях и этикете, с почти детской непосредственностью выпалил то, о чем мечтал все эти долгие годы:

— Горячей еды и мягкого хлеба.

И тут же спохватился, подумав, не слишком ли простое, плебейское это желание для графа. Но Жоанна лишь кивнула, её лицо не выразило ни малейшего удивления.

— На кухне есть парное молоко, — сообщила она, как нечто само собой разумеющееся.

— Подавай, — махнул рукой Вальдес, и в душе его что-то ёкнуло от этой простой, бытовой фразы, от права отдавать приказания, от возвращения в нормальную, человеческую жизнь.

Женщина снова улыбнулась, поклонилась и вышла, оставив его наедине с утренним солнцем, тишиной и головокружительным, пугающим и прекрасным ощущением свободы.

Он некоторое время сидел на кровати, подсознательно всё ещё не веря в реальность происходящего. Пальцы сжимали шёлк простыней, словно пытаясь найти под обманчивой мягкостью привычную жёсткость тюремной соломы. Но нет — только пушистая ткань, лишь тончайший аромат лаванды, лишь тепло собственного тела, согретого одеялом.

Наконец он сунул ноги в мягкий мех тапочек и прошёлся по комнате. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь разноцветные витражи, бросали на пол и стены радужные блики — осенние, но такие тёплые. А может, тёплыми они казались только ему, после десятилетней ледяной отчуждённости от мира.

Тар подошёл к тазу в углу и плеснул на лицо ледяной воды. Она оказалась бодрящей, упругой, пахнувшей чем-то свежим, травяным — возможно, Жоанна добавила в воду отвар мяты или шалфея. Капли скатились по шее, и он с наслаждением ощутил их прохладу на коже, не отвыкшей от подобных простых радостей.

Потом взгляд упал на кресло. Одежда, сшитая за ночь, лежала аккуратно сложенной, выглаженная и надушенная. Ткань даже со стороны выглядела несказанно дорогой, расшитой тончайшими золотыми нитями. Правда, расцветка была несколько аляповатой, кричащей — видимо, того требовала нынешняя мода.

На спинке кресла покоилась шляпа с длинным белым пером. Вальдес никогда не носил таких. Придётся привыкать. Рядом длинные сапоги, отороченные мехом. Рановато, не по сезону. Но кожа была выделана так искусно, что ему страстно захотелось их примерить. Добрые сапоги на мужчине — признак не только достатка, но и возвращённого достоинства.

Одевался Тар недолго, но потом долго разглядывал себя в зеркале. Тот же человек, что и десять лет назад, только осунувшийся, с проступившими на лице морщинами — особенно у глаз, будто вглядывавшихся все эти годы в полумрак. Черные кудри волос были теперь украшены прожилками благородной седины. Темные, почти черные глаза утратили прежний юношеский блеск, но оттого смотрели глубже, мудрее, словно научились видеть не только форму, но и суть. Вальдес в который раз поправил ворот рубашки, провёл рукой по волосам, стриженным до плеч, гордо вскинул голову и направился вниз, навстречу новому дню своей новой жизни.

Граф спускался по лестнице, и каждый шаг отдавался в нем непривычным эхом — не глухим стуком по каменным ступеням, а мягким поскрипыванием отполированного дерева.

В гостиной Жоанна хлопотала с несвойственной её пышной фигуре лёгкостью, порхая между столом и буфетом. За столом никого не было, и Тар с лёгким уколом разочарования подумал, что собирался слишком долго и Георг, не дождавшись, уехал. Но Жоанна, словно угадав его мысли, пояснила:

— Господин Моор ещё не благоволили проснуться. Вставать в такой час для королевского советника — дело неслыханное, — она совершенно точно лукавила, Вальдес был уверен, что советник короля не живет в этом доме. — К тому же, он никогда не завтракает нигде, кроме как у Его величества, — добавила служанка.

Вальдес смолчал, сел за стол и набросился на еду жадно, с наслаждением, заглатывая куски, почти не пережёвывая. Это был не голод тела, а голод души, жаждавшей вкуса свободы, осязаемой в аромате свежего хлеба и сладости парного молока. Он опустошал тарелки с таким усердием, что Жоанна, убедившись, что графу больше ничего не нужно, с лёгкой улыбкой удалилась, пообещав явиться по первому зову.

И вот он остался один. Тишина дома была иной — не тюремной, высасывающей душу, а умиротворяющей, полной скрытой жизни. Он услышал, как где-то хлопнула дверь, донёсся отдалённый смех служанки — простые, земные звуки, которые теперь казались ему прекрасной музыкой.

Граф уже допивал свой третий стакан молока, когда в гостиную вошёл Георг Моор. Тёмный строгий камзол подчёркивал его худощавую, почти аскетичную фигуру. Ткань была дорогой, но без единого украшения — практичной и строгой. Тар почему-то подумал, что этот человек не выносит роскоши, но и не может позволить себе выглядеть дёшево. Ещё Тар отметил неплохой плечевой пояс, свойственный для мужчины, регулярно практикующегося в фехтовании.

— Приятного аппетита, господин Вальдес, — произнёс он, беря из коробочки на камине сигару. — Разительная перемена произошла в Вас по сравнению со вчерашним вечером. Словно гусеница превратилась в бабочку.

— Благодарю, — коротко ответил Тар, отставляя пустой стакан.

Георг неспешно закурил. Дым сигары горьковатым облаком повис в воздухе.

Советник сел напротив, занимая позицию чуть в стороне, чтобы свет из окна падал на лицо собеседника, оставляя его собственные черты в лёгкой тени. Его движения были медленными, почти ленивыми, но каждый жест — от того, как он закуривал сигару, до того, как ставил бокал с вином, — был частью тщательно продуманной тактики.

Он давал Вальдесу время освоиться, наблюдая, как тот владеет собой в новой, непривычной обстановке.

— Готовы предстать перед королём? — спросил Моор, и вопрос прозвучал не как формальность, а как первая ставка в сложной партии.

— Считаю минуты, — отозвался Тар, и это была чистая правда. Каждая секунда на свободе была одновременно и блаженством, и мукой ожидания.

Георг удовлетворённо кивнул, и в этот момент солнечный свет, пробившийся сквозь окно, упал прямо на его лицо. Вальдес наконец разглядел его глаза. Глубоко посаженные, тёмные, как бездонные колодцы, они, казалось, видели не просто человека перед собой, а всё его прошлое, все тайные мысли и будущие поступки. Холодок пробежал по спине Тара, когда взгляд Моора встретился с его взглядом.

— Волнуетесь? — спросил советник, и в его голосе прозвучала не насмешка, а лёгкая, почти профессиональная любознательность.

Вальдес почувствовал, что пришло время сбросить маску благодарного узника.

— Вам ведь известно, для чего я понадобился Амиру... Его величеству, — поправился он. — Вам не может быть не известно.

«Напрямую в суть дела», — мысленно отметил Моор. — «Не тратит время на церемонии. Это ценно».

Советник откинулся на спинку стула, закинув ногу на ногу. Поза была расслабленной, но в глазах читалась собранность хищника, вычисляющего момент для атаки.

— Как Вы вчера верно заметили, отдаю честь Вашей проницательности, в королевстве произошёл некоторый переворот. Я бы назвал это политическим расколом... Политика предыдущего короля, да примет господь его душу, в чём я крайне сомневаюсь, не совсем соответствовала настроениям народа. Ещё немного господин Вальдес, и страну захлестнут восстания и бунты. Власть понадобится утверждать заново если получится.

Георг поднялся, подошёл к окну, откинул занавеску и оглядел двор, будто ожидая чьего-то визита.

— Соседние государства разделились на два лагеря, а Эхорт с нашей прежней политикой оказался посередине, так сказать, между двух зол. Между нашими соседями вот-вот разгорится кровопролитная война, и Эхорт окажется под ударом с обеих сторон, - советник повернулся к Тару, снова поймал его взгляд и, прислонившись спиной к стене у окна, продолжил. - А пока мы будем отбиваться от нападения наших соседей, с востока вот-вот подойдут войска Клима Косого, тысяч эдак восемнадцать.

Моор видел, как тёмные глаза графа загораются не страхом, а интересом, как пальцы непроизвольно сжимаются в кулак при упоминании угрозы королевству. *«Недоверие к власти сменилось чувством ответственности. Отлично.»*

- Я думал Клима давно повесили, - удивился Тар.

- Да, - хмыкнул Георг. — Его вешали раз девять, в разных городах, только Клим до сих пор жив, а его верные псы вместо него болтаются на виселицах. И таких псов, как я уже сказал, у него, по меньшей мере, восемнадцать тысяч голов. Я не буду говорить Вам то, что сегодня надлежит сказать королю, но я надеюсь, Вы понимаете, суть этого разговора?

- Не совсем.

Георг глубоко вздохнул.

- Ваша карьера до заточения, внушает уважение к Вашей персоне, - уголком губ улыбнулся советник. — И Ваш ход мыслей, господин Вальдес, соответствует нашим целям. Людей такого склада не много после правления короля Эльзимера. Вы нужны нам.

- Для чего? Не томите, господин Моор.

- Вы отправитесь с поручением от короля Амира и предпримите все возможные средства, чтобы помирить соседствующие с нами королевства, или хотя бы заинтересовать их вступить с нами в союз, и вместе с войском Эхорта направить мощь их армий против нашего общего врага.

Кабинет наполнила тишина. Моор стоял у окна, наблюдая за отражением Вальдеса в стекле. Он видел, как тот напряженно размышляет, как внутренне взвешивает все «за» и «против». *«Умение анализировать, а не поддаваться первому порыву. Неоценимое качество.»*

— Это Ваша идея, господин Моор? — наконец спросил Тар.

Георг медленно обернулся. На его губах играла едва заметная улыбка — не эмоция, а признак удовлетворения от правильно поставленного вопроса.

— Все идеи, имеющие вес, принадлежат правителю королевства, — ответил он с ледяным достоинством. — Я лишь советник Его величества.

Советник - не просто правая рука короля. Он его мозг, его воля, его тень, отбрасываемая на всё королевство. И теперь эта тень накрыла и его, Тара Вальдеса, предложив ему в обмен на свободу ношу, которая могла оказаться тяжелее тюремных цепей.

— Не пытайтесь разглядеть в сложившейся ситуации двойное дно, господин граф, — строго попросил Моор, и Тар в этот момент почувствовал, что таким вот тоном надлежит говорить истинному королю Эхорта. Холодок вновь пробежал по его спине.

Несомненно, Георг не просто советник.

— У меня есть время подумать? — спросил Вальдес.

Выражение лица Моора смягчилось, словно он получил нужный ответ на неозвученный вопрос.

— Ну, разумеется, господин граф, — чуть склонил он голову. — Сегодня по полудню состоится погребение Эльзимера. Тремя часами позже король Амир пожелает видеть Вас. До того времени Вы вольны думать. Но позвольте дать вам совет — думайте не о том, как избежать этой миссии, а о том, как её выполнить. В этом — единственный путь к настоящей свободе.

— Со стороны правителя Эхорта не ждут решительных действий, привыкли, верно? — осведомился Вальдес.

Георг оценивающе посмотрел на него, и в глазах советника мелькнуло нечто похожее на одобрение.

— Со стороны правителя Эхорта пока не ждут никаких действий — ни решительных, ни нерешительных. На месяц в королевстве объявлен траур по кончине Эльзимера, — объяснил Георг. — Но это не остановит Клима Косого, и мы должны осознавать это. Люди привыкли к стабильности, даже если это стабильность гниения. Ваша задача — стать тем ветром перемен, который придёт не с востока с армией захватчиков, а с запада — с мудростью и силой.

Советник снова прошёлся к окну, выглянул из-за занавески.

— А теперь прошу меня извинить, господин граф. Меня ждут на церемонии погребения усопшего короля. К оговорённому времени я вернусь за Вами. Используйте эти часы с умом — отдохните, соберитесь с мыслями. Возможно, это последняя передышка в Вашей жизни, — он слегка склонил голову и вышел, оставив Вальдеса наедине с тяжестью предстоящего выбора.

Тар остался один в тишине гостиной. Он подошёл к окну и посмотрел на улицу, где жизнь текла своим чередом — торговцы раскладывали товары, горожане спешили по своим делам. Простой, обычный мир, о котором он забыл за годы заточения. И теперь этот мир висел на волоске, а его, Тара Вальдеса, только что освободившегося из тюрьмы, просили стать его спасителем.

Глава 3

Своды усыпальницы сходились высоко над головой, образуя длинный, взлетающий в небеса купол. Серый, каменный холодный купол, но такой величественный в своей застывшей красоте. Стены расписаны ликами святых, свод оформлен вырезанными прямо в камне ангелами, что казалось, парят там, под самым потолком. Капелла Маэрленти – родовой склеп королевской династии, правившей в Эхорте уже сто восемьдесят девять лет.

Воздух здесь был неподвижным и густым, пропахшим навеки ладаном, каменной пылью и тленом. Он обволакивал подобно савану, приглушая звуки и делая каждый вздох отзвуком вечности. Мерцающий свет факелов, закреплённых в железных держателях, отбрасывал на стены и лица присутствующих зыбкие, трепещущие тени, превращая скорбную церемонию в подобие мистического ритуала.

По периметру усыпальницы, в нишах, укрытых ажурными решётками, покоятся девять надгробий предшественников Эльзимера. Каждое — молчаливый свидетель ушедшей эпохи, власти и страстей, давно канувших в Лету. Ни на одном нет фамилии, лишь имя и титул. Сакральная кровь не нуждается в родовом уточнении, ибо каждый её носитель – целый мир.

Десятое, ещё незакрытое, зияло в полу темным провалом, готовое принять в свои каменные объятия нового обитателя. Рядом, на возвышении, утопающем в венках из увядших осенних цветов, застыла в последнем сне фигура почившего короля, облачённая в церемониальный саван. Бледное, восковое лицо с закрытыми глазами казалось отстранённым и умиротворённым, будто все земные заботы — трон, власть, интриги — наконец-то отпустили его.

Два десятка фигур в траурных одеждах стояли вокруг, образуя живое кольцо скорби. И только двое из них знали, что эта скорбь — лишь тщательно поддерживаемая иллюзия, за которой скрывается жестокая правда. Первый — молодой мужчина с чистым, почти юношеским лицом, обрамлённым светлыми выющимися волосами. Его голубые глаза, украшенные длинными ресницами, смотрели на тело отца с выражением, в котором печаль причудливо смешивалась с отстранённостью. Сомкнутые на груди руки были скорее жестом привычки, чем истинной скорби. Мыслями король Амир был сейчас далеко от склепа, в лабиринтах государственных дел и тревожных предчувствий.

И второй — его тень, антипод и опора. Высокий, стройный, сотканный словно из куска тьмы, с лицом строгим и безэмоциональным, первый королевский советник Георг Моор. Его тёмные, почти чёрные одежды сливались с полумраком капеллы, а глубоко посаженные глаза, казалось, впитывали не свет, а саму тьму, царящую под сводами. Он стоял чуть позади и сбоку от Амира, неподвижный и безмолвный, но его присутствие ощущалось физически — как стена, как гарантия и как угроза.

Остальными присутствующими были многочисленные королевские родственники, съехавшиеся на похороны быстрее, чем если бы Эльзимер позвал их при жизни, и остатки королевской свиты, которой в будущем предстояло полностью смениться по желанию нового монарха.

Все они, кроме упомянутых двоих, были свято уверены, что Эльзимер, немощный от возраста, просто не удержался в седле, скатившись наземь и сломав себе хребет. Удобная версия, не вызывающая лишних вопросов. Ведь чья-то заботливая рука, подрезавшая подпругу, постаралась на славу, сделав все так искусно, что сама мысль о злом умысле казалась кощунственной.

- Господь меня покарает, — еле слышно, одними губами, прошептал Амир, глядя на неподвижное лицо отца.

- Воля народа замолвит за тебя словечко, — так же тихо, не шевелясь, парировал Георг, стоящий за его плечом. Его тон был ровным и холодным, как камни усыпальницы.

Гулкий, раскатистый голос священника, читающего заупокойную молитву, заполнял собой все пространство, заглушая даже собственное дыхание собравшихся. Казалось, сами стены вторили ему, шепча древние слова на языке веков.

- Ты освободил Вальдеса? Что он сказал тебе? — Амир снова нарушил молчание, не в силах совладать с нетерпением.

- Вальдеса освободили Вы, Ваше величество, — почтительно, но с укором поправил его Георг, намеренно выделяя титул. — Граф измучен заключением, его терзают сомнения и страхи. Дал бы ты ему недельку на размышление.

- У нас нет и пары дней, — сквозь зубы процедил король. — Ты объяснил Тару, что от него требуется?

- Испортил графу аппетит во время завтрака.

- И?

- Сир, будьте терпеливы, — мягко, но настойчиво попросил Моор. — Графу назначена аудиенция у Вашего величества сегодня в три

- Георг! — Амир выкрикнул его имя так громко и резко, что священник на мгновение запнулся, удивлённо воззрившись на монарха. В капелле наступила звенящая тишина, в которой отчётливо прозвучал сдержанный вздох Моора.

Король смущённо махнул рукой, давая знак продолжать. Голос священнослужителя вновь зазвучал, но прерванное заклинание уже потеряло свою магию.

- Уважайте мёртвых, мой король, — тихо, но внятно произнёс Георг, когда пение вновь затопило своды. — Всё же хоронят Вашего отца. - с этими словами он сделал шаг назад, отдаляясь от Амира на почтительное расстояние, достаточное, чтобы прекратить нежелательный разговор.

Погребение длилось ещё долго, целых полтора часа. Всё это время Амир пытался поймать взгляд советника, передать ему своё нетерпение и тревогу. Но Георг делал вид, что полностью поглощён церемонией. Его тёмные глаза были неподвижны, лицо — маской вежливой скорби. Он стоял, скрестив руки на груди, и казалось, был высечен из того же камня, что и стены усыпальницы. Амир кипел от бессилия, но поделать ничего не мог.

Наконец, священник произнёс последние слова, и собравшиеся начали медленно, чинно покидать капеллу. Но молодой король вдруг замер на месте, словно врос в каменные плиты пола. Он обернулся к зияющему провалу в полу, куда уже готовились опустить гроб с телом отца, и в его глазах вспыхнула неподдельная, щемящая тоска, замешанная на страхе.

Противоречивые чувства душили его. Он смотрел на это каменное ложе и видел в нём не просто отца, а символ всей власти Эхорта — тяжёлой, безжалостной, вымощенной страхом и подозрением. Страх сжал его горло ледяной рукой. Он боялся не смерти отца — он боялся стать им. Боялся, что трон, эта огромная каменная глыба, раздавит в нём всё светлое, что осталось от того мальчика, которого учил фехтовать Тар Вальдес. Что ему придётся надевать маску безразличия, подписывать смертные приговоры, видеть в каждом придворном потенциального предателя.

Он боялся, что власть, которой он так жаждал, чтобы всё исправить, превратит его в такое же чудовище, каким был его отец. А ещё сильнее он боялся обратного — оказаться слишком мягким, слишком слабым, не суметь удержать в руках бразды правления, увидеть в глазах Георга - единственного человека, кому он доверял, разочарование. И тогда его ждала бы участь страшнее смерти — быть свергнутым, осмеянным, жалким королём-неудачником, чьё имя станет нарицательным для слабости.

Он простоял так несколько мгновений, а потом, будто подкошенный этим внутренним напором, рухнул на колени перед свежей могилой. *Крупная, хрустальная слеза скатилась* по его бледной щеке и упала на холодный камень. Это были слезы не только по отцу, но и по себе

— по тому человеку, которым он был, и которым ему, возможно, уже никогда не суждено было стать. Плечи монарха затряслись от беззвучных рыданий.

Никто, кроме Георга, не видел этой внезапной, детской слабости. Но Моор не стал подходить, не произнёс слов утешения. Он понимал, что некоторые раны нужно пережить в одиночестве. Он видел эту борьбу в спине Амира, в его сжатых кулаках, и знал, что это — единственная битва, в которой советник не может помочь своему королю. Её Амир должен был выиграть сам. Или проиграть.

Молча развернувшись, Георг вышел во внутренний двор капеллы, оставив Амира наедине с его горем, его страхами и тяжёлым наследием короны, которое могло либо возвеличить его, либо уничтожить.

Стоя во дворе капеллы, Георг прислонился спиной к холодному камню и закрыл глаза, подставив лицо осеннему солнцу. Но даже сквозь веки он видел не солнечный свет, а образ рыдающего на коленях короля. Он понимал Амира лучше, чем тот понимал себя. Видел, как в нем борются два человека: мальчик, мечтающий о справедливости, и правитель, вынужденный принимать жестокие решения. И Моор знал, что эта борьба — не слабость, а единственный шанс Амира не превратиться в своего отца. Хуже был бы только один исход — если бы эта борьба прекратилась, и Амир смирился с необходимостью быть тираном.

К нему подошёл кто-то из придворных, робко спросил об отсутствии Его величества. Георг, не открывая глаз, махнул рукой:

— Ожидайте короля во дворце. Его величество присоединится к вам вскоре.

Двор быстро опустел. Никто не хотел задерживаться в этом месте дольше необходимого, да и ждать молодого короля, поглощённого горем, никто особо не стремился. Лишь бы не навлечь на себя немилость в такой день.

Четверть часа спустя дверь капеллы открылась. Амир вышел на свет бледный, как полотно, с глазами, покрасневшими от слёз, но сухими и холодными. В них больше не было ни следа той юношеской мягкости, что была там некоторое время назад. Теперь это был взгляд правителя, принявшего своё бремя — тяжёлое, нежеланное, но своё.

Он подошёл к Георгу, и его голос прозвучал тихо, но твёрдо, без следов недавних рыданий:

— Поехали отсюда.

Всю дорогу до дворца, пока карета подпрыгивала на брусчатке, короля терзали молчаливые сомнения. Он мысленно примерял на себя роль отца, и с ужасом понимал, что некоторые из его методов были не просто жестокостью, а холодной необходимостью. Как иначе удержать страну, которую десятилетиями разъедали алчность и коррупция? Но где та грань, переступив которую, он сам станет чудовищем? Он смотрел в запотевшее окно на серые улицы Эхорта и видел не город, а бесконечное поле битвы, где ему предстояло сражаться не с внешними врагами, а с самим собой.

Георг Моор сидел напротив и внимательно смотрел на короля, словно читал его мысли. Впрочем, нынешний первый советник так давно и хорошо знал Амира, что мог безошибочно судить о содержании его дум.

Решительность Амира успокаивала Моора, но в свете последних событий, беря в расчёт осведомлённость молодого монарха о том, как и кто устраивал данный переворот в судьбе королевства, Георг опасался, что король запутается и сдастся. Он и без того прикладывал все усилия, чтобы снять с плеч неопытного ещё правителя как можно больше дел. Сам старался побывать лично или через доверенных людей в нескольких местах одновременно.

Король должен чувствовать вес короны, но не должен позволять ей ломать себе шею.

Словом, Георг был гласом, ушами и волей короля всюду, лишь бы Амир не ошибся и не сломал тщательно продуманную стратегию по восстановлению некогда великого королевства Эхорт. Амир был лицом нового короля, Георг же был его сутью. Он начал действовать

задолго до кончины Эльзимера. И теперь посеянные повсюду семена великих идей начинали давать ростки. И оставлять эти ростки без присмотра было нельзя. Действовать предстояло решительно.

Первым таким появившимся ростком была «неожиданная» кончина Эльзимера и восхождение на трон его единственного наследника. Объявление же Георга первым королевским советником, автоматически развязывало Моору руки, давая полную свободу действий. Вторым необходимым звеном в этой цепи было освобождение Тара Вальдеса, которому предстояло стать творцом внешней политики нового короля. Более подходящей кандидатуры на примете у Моора не было, да и желанию нового короля — освободить из заключения старого друга, идея Георга соответствовала полностью.

Георг вышел из кареты вслед за королём и тут же послал за графом Вальдесом, а сам предложил Амиру отобедать, ссылаясь, что с утра «крошки во рту не держал».